

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ЗАПАДНЫХ (БЕЛОРУССКИХ) ГУБЕРНИЯХ НАКАНУНЕ И В НАЧАЛЕ ВОЙНЫ 1812 ГОДА В ОЦЕНКЕ РОССИЙСКИХ СЛУЖБ КОНТРАРАЗВЕДКИ

В силу своего геополитического положения Беларусь всегда оказывалась в центре противостояния Востока и Запада. В исторической ретроспективе противоборствующие стороны старались либо расшатать, либо стабилизировать ситуацию на сопредельных территориях. Для этого использовались различные спецслужбы, которые вступали в острое противоборство на белорусских землях. Борьба велась за «умы» приграничного населения, которое в случае войны оказывало поддержку той или другой стороне.

Прежде чем перейти к рассмотрению основных аспектов проблемы, необходимо остановиться на терминологии. В статье рассматривается политическая ситуация на этнических белорусских землях, которые в 1801-1812 гг. входили в состав пяти западных губерний (Витебская, Могилевская, Минская, Гродненская и Виленская) и Белостокской области (с 1807 г.) Российской империи. При этом необходимо учитывать, что в начале XIX в. в отношении этих земель использовались различные названия. В соответствии с указом от 9 сентября 1801 г. «белорусскими» именовались Могилевская и Витебская губернии, а «литовскими» - Гродненская и Виленская. Минская губерния, на которую до середины XIX в. распространялся политоним «Литва», по российским законодательным актам конца XVIII - начала XIX в. не относилась ни к «Литве», ни к «Белоруссии». В административном отношении эта губерния и вовсе была подчинена киевскому военному губернатору.

Политическая ситуация в 1806-1807 гг. в оценке Комитета 13-го января. Отказавшись в 1801 г. от структур политического сыска (Тайная канцелярия), дискредитировавших власть, Александр I фактически восстановил их через четыре года в виде Комитета охранения общей (общественной) безопасности. Однако официально эти структуры не объявлялись и были тайными не только по методам действия, но и способам образования. Основанием для воссоздания политического сыска послужило отсутствие в начале XIX в. у российского правительства достоверной и проверенной информации о положении дел и политических настроениях населения в приграничных районах, а также необходимость проведения расследования по политическим делам во время отсутствия императора в государстве.

Первый секретный комитет, созданный осенью 1805 г., существовал только на бумаге. Его сменил Комитет охранения общей (общественной) безопасности или «Комитет 13-го января 1807 года»¹, как он именовался официально. В деятельности этого комитета большое внимание уделялось вопросам надзора за поведением и настроениями жителей «польских» губерний.

Во время войны 1806-1807 гг., когда наполеоновские войска вплотную приблизились к российским границам, в правящих кругах опасались за спокойствие в западных губерниях. Население «польских провинций» подозревалось в нелояльности и готовности поднять антироссийское восстание. Общее паническое настроение в это время передал князь А.Б. Куракин. В письме к императрице Марии Федоровне от 10 (22) июня 1807 г. он отмечал, что «польские провинции, где тлеет огонь восстания... наготове принять неприятеля и отделиться»².

Были ли основания для подобных опасений? Как явствуют следственные документы Комитета 13-го января 1807 г. и донесения гражданских губернаторов, пронаполеоновские настроения действительно наблюдались среди части магнатов, шляхты, униатского и католического духовенства и даже крестьянства. При этом шляхта «белорусских» и «литовских» губерний не ограничивалась пассивным проявлением радости по поводу побед французских войск. Дворяне закупали и прятали продовольствие и фураж для будущих «освободителей», вели тайную агитацию³, работали на французскую разведку⁴. Свои симпатии к Наполеону открыто демонстрировало и католическое духовенство⁵.

Поэтому в целях организации надзора за настроениями населения в «польские губернии» были направлены специальные высокопоставленные уполномоченные. Представителем императора в Виленской, Гродненской, Минской и Вольнской губерниях был назначен сенатор Иван Алексеевич Алексеев. Основными источниками его информации стали перлюстрированные письма, доносы и сведения «лазутчиков».

Сбор подобной информации возлагался на высшее гражданское руководство (гродненского губернатора⁶), которое для этих целей использовало особо доверенных чиновников (брестский земский исправник Константинович и др.).

В частности, одним из корреспондентов Алексеева являлся тайный советник В.С. Ланской.

Сообщая сенатору о политических настроениях в Гродненской губернии, он отмечал, что не может назвать «ни одной подозрительной особы». Однако общее настроение жителей склонно «к перемене». Причину этого губернатор видел в «мечтательной вольности», неизжитой еще «из памяти народной прежнего правления». По мнению Ланского, носителем духа вольности являлась мелкая шляхта, «наполняющая все углы». «Познания мои образа мыслей здешних, безсомненно уверяют меня, - отмечал губернатор, - что праздность, подстрекаемая обольщениями неприятеля известными прокламациями за границую рассеянными, сильнейшее, на большую часть жителей сего края, *в коем огонь кроется под пеплом*, имеет влияние, нежели благоденствия коими наслаждаются они под скипетром России; хотя можно и здесь видеть, знающих цену сих благоденствий, но здравомыслящая сторона сия гораздо слабее; от нее предосудительности ожидать невозможно, но и она, при всяком не благоприятном случае, от ужасов последствий останется безмолвною»⁷.

Особое внимание власти уделяли надзору за еврейским населением. В создании Наполеоном I Великого Синедрiona правительство увидело угрозу объединения в единый союз всех евреев Европы. Поэтому в марте 1807 г. министр внутренних дел В.П. Кочубей разослал начальникам западных губерний секретное письмо. В нем он предписывал обратить особое внимание на поведение евреев, проживающих в подчиненных им губерниях⁸.

Не оставили без внимания и крестьян. Особое внимание Комитет 13-го января 1807 г. уделял пресечению слухов о крестьянской вольности, которые существенно усилились во время войны с Францией. Личная свобода в то время притягивала многих, а действия Наполеона в этом направлении только увеличивали число его сторонников. В личности французского императора белорусские крестьяне видели освободителя от крепостничества⁹.

Таким образом, несмотря на фрагментарный характер деятельности во время войны 1806-1807 гг. межведомственного Комитета 13-го января, собранная им секретная информация свидетельствовала о том, что пронаполеоновские настроения наблюдаются среди значительной части населения «польских губерний».

Оценка ситуации Комитетом министров и Министерством полиции. После окончания военных действий Комитет 13-го января 1807 г. постепенно утратил свои функции¹⁰. В 1808-1809 гг. многие вопросы, связанные с политическим сыском и надзором, входившие ранее в компетенцию межведомственного комитета, перешли в ведение Комитета министров. Поскольку в Комитет министров входили практически все члены Комитета 13-го января, то фактически заседания членов правительства были одновременно и заседаниями Комитета охранения общественной безопасности. Единственное отличие заключалось в том, что подобные заседания проходили в расширенном составе и были лишены ненужного налета чрезмерной секретности. При этом эффективность обсуждения политических и иных вопросов в Комитете министров была на порядок выше. В 1808-1810 гг. секретная информация о состоянии дел в западных губерниях поступала в Комитет министров, в основном по каналам Министерства внутренних дел.

В 1810 г. большинство высших полицейских функций, впервые после упразднения Тайной экспедиции, были сосредоточены не в межведомственном комитете, а в особом государственном органе - Министерстве полиции. Оно было создано в рамках реформы государственного управления, которая проводилась по инициативе М.М. Сперанского. После учреждения в 1810 г. Министерства полиции, в состав которого входила Особенная канцелярия, большинство политических дел было сосредоточено именно в ней. Поэтому, просуществовав формально до 17 января 1829 г.¹¹, Комитет охранения общей безопасности постепенно утратил все свои полномочия.

Для получения необходимых сведений министр полиции имел право непосредственно сноситься с чиновниками других ведомств через головы их начальников, а иногда и в совершенной тайне. В руках у министра были сосредоточены невиданные ранее возможности: колоссальные, предоставленные законом полномочия, канцелярский и следственный аппараты и многое др. В результате Министерство полиции превратилось в ведомство, развитие которого зависело лишь от способностей и наклонностей конкретного министра полиции. Однако практика функционирования Министерства полиции доказала, что его учреждение не дало ожидаемого результата, наоборот, усложнило и запутало взаимодействие местных органов.

Итак, после Тильзитского мира (1807 г.) российские власти попытались исправить ситуацию в Западном регионе и еще больше усилили контроль за поведением и умонастроениями населения. Однако изначально они столкнулись с огромным комплексом проблем.

Во-первых, эмиграция населения. После создания княжества (Герцогства) Варшавского сотни патриотически настроенных лиц из западных губерний покинули пределы Российской империи. Они мечтали принять участие в строительстве нового государства, в котором видели преемницу Речи Посполитой. Особенно массовый характер переходы приобрели во время и после войны Франции с

Австрией в 1809 г. Тогда войска Ю. Понятовского пополнились тысячами выходцев из России. Некоторые из магнатов за свой счет формировали воинские части, другие (С. Немцевич, Ф. Чацкий, Пусловский) подстрекали молодежь к побегам за границу¹².

Попытки отдельных губернаторов расширить свои полномочия (М.И. Комбурлей¹³) и применить строгие меры к перебежчикам долгое время не находили поддержки в правительстве¹⁴. И пока правительство колебалось побеги в княжество Варшавское из приграничных губерний достигли огромных размеров. Так, в Гродненской губернии, по состоянию на осень 1809 г., «отлучившимися», по неполным данным, считалось более 100 человек. Преимущественно это были жители Гродно и Гродненского уезда. Среди тех, кто выехал в княжество Варшавское, были не только магнаты, шляхта и мещане, но и крестьяне¹⁵.

Сохранение напряженной и слабо контролируемой обстановки в пограничье потребовало от правительства принятия экстренных жестких мер. Законодательные акты от 24 августа, 5 октября, 17 декабря 1809 г., 28 января и 18 марта 1810 г. предполагали конфискацию имений тех лиц, которые нелегально покидали страну или содействовали побегам за границу¹⁶. Эти меры привели к сокращению оттока населения в княжество Варшавское, и многие беглецы начали возвращаться в Россию.

Впрочем, как отмечал литовский военный губернатор М.И. Кутузов, возвращение некоторых лиц не является следствием их раскаяния, а только средством спасения имений от конфискации. Они стремились сами продать или заложить имения, чтобы затем снова покинуть Россию (так поступили Л. Пац, А. Потей, С. Солтан, Д. Радзивилл¹⁷). Поэтому Кутузов предложил запретить лицам, возвратившимся из-за границы, продавать и закладывать свои имения сроком минимум на два года, «как бы в наказание за совершенную ими отлучку». Военный губернатор надеялся, что «в продолжение такого срока ложное мечтание совершенно исчезнет и они обратятся на путь истины»¹⁸. Однако Комитет министров отклонил это предложение¹⁹.

В том, что население пограничных губерний практически без препятствий попадало в княжество Варшавское, была определенная «заслуга» казаков, охранявших границу, которые за определенную мзду пропускали всех желающих²⁰. Поэтому впоследствии задача «усугубить надзор к прекращению незаконных за границу переходов» была возложена на корпусных командиров²¹.

Тем не менее в составленной в 1810 г. записке статский советник А.А. Столыпин (находился со специальной миссией в западных губерниях) отмечал, что «взоры всех поляков обращены на Княжество Варшавское как на залог, им данный Наполеоном»²².

Второй проблемой была контрабанда. У правительства особое беспокойство вызывали тайный вывоз звонкой монеты и перевод доходов от имений в княжество Варшавское, контрабандный перегон лошадей, крупного рогатого скота и вывоз продовольствия. Это привело к тому, что, как отмечал Александр I, «вся конница [княжества] вооружена русскими саблями и палашами и посажена на русских же лошадей, равномерно нет в обращении между народа других денег, как российской серебряной монеты». И хотя император поручал Комитету министров «придумать способ к отвращению сего злоупотребления», министры фактически расписались в своей беспомощности. «По причине обширности сухопутной границы по присоединенным от Польши губерниям и непрерывного по тамошнему краю торгового с заграничными местами сношения, а также по многим другим обстоятельствам, нет никакой возможности к отвращению тайного провоза за границу золотой и серебряной монеты, - говорилось в решении от 19 мая 1809 г., - и что впрочем во всех государствах то делается, несмотря ни на какие повсюду запрещения и меры строгости»²³.

После учреждения Министерства полиции надзор за иностранцами и пресечение нелегального ввоза и вывоза в Россию золотой и серебряной монеты легло на плечи этого ведомства²⁴, а также на отдельных резидентов на границе. Одним из них был белостокский комендант полковник Карл Шиц.

Во время своих поездок по Белостокской области Шиц не ограничивался простым осмотром границы. Он попытался перекрыть все возможные каналы контрабанды и пресечь противоправную деятельность российских таможенников²⁵. В вопросах борьбы с контрабандой комендант во многом опирался на сведения местных евреев. Одним из наиболее доверенных агентов полковника был Хаим Маркус. Его показания о злоупотреблениях таможенников Шиц неоднократно пересылал военному министру²⁶.

Полученные от К. Шица сведения М.Б. Барклай де Толли сообщил императору, который остался недоволен состоянием дел на западной границе. Поэтому 16 декабря 1810 г. командующему российскими войсками на западной границе генералу Д. С. Дохтурову было приказано употребить «усиленное старание», чтобы «открыть, какими средствами происходит таковой пропуск чрез наши границы»²⁷. А вслед за тем в январе 1811 г. последовала реорганизация пограничной стражи²⁸.

Третьей проблемой стала деятельность наполеоновской агентуры. С начала 1810 г. в пограничные губернии все чаще начинает проникать агентура наполеоновской разведки. Анализ

деятельности французско-польской разведки на территории западных губерний свидетельствует, что засылка шпионов осуществлялась по двум основным каналам: легальным (через получение паспортов) и нелегальным (путем тайного перехода границы) способами. В качестве легальных разведчиков использовались лица, действовавшие под дипломатическим прикрытием; странствующие «монахи» и «бродяги» (дело «витебских иностранцев», март 1812 г.)²⁹; а также отставные офицеры и генералы. Впрочем, последние вызывали у российских властей особое подозрение, и они немедленно брались под присмотр полиции³⁰. В качестве примера можно привести дело генерала французских войск Яна Генриха Володковича³¹.

Однако наиболее часто для засылки своих агентов разведка противника использовала знакомства на российской границе. Для этого устанавливались «тесные» контакты с населением приграничных населенных пунктов и таможенными чиновниками. Некоторые из таможенников оказывали тайные услуги противнику, получая за это неплохое вознаграждение. Примером может служить дело Пенчковских, которые имели связи на границе и способствовали незаконному выезду за границу подпрефекта княжества Варшавского Каренги³².

В целом, российской контрразведке удавалось обезвреживать вражеских агентов, сведения о которых поступали от резидентов разведки и различных агентов, а также по дипломатическим каналам³³.

Оценка ситуации военными. Сбором сведений о политических настроениях в «белорусских» и «литовских» губерниях занимались не только гражданские власти. Начиная с 1810 г. эта функция входила и в обязанности командиров корпусов и армий, дислоцированных в «польских губерниях», а также подчиненных им комендантов. Для нас особый интерес представляют сведения, собранные командиром обсервационного (впоследствии 6-го) корпуса генерал-лейтенантом И.Н. Эссеном (квартира в Слониме).

Какие же секретные сведения поступали от военных? В 1810 г. белостокский комендант К. Шиц³⁴ неоднократно отмечал, что в области сохраняется относительное спокойствие³⁵. В частности, 7 июля он писал военному министру, что жители Белостокской области «ведут себя весьма благородно и скромно, не слышно у них никакого неудовольствия и даже неприметно, и живут в совершенной тишине и спокойствии»³⁶.

Несмотря на относительные «тишину и спокойствие», периодически возникали «вредные слухи»³⁷. По данным разведчиков генерала Д. С. Дохтурова, они не заслуживали никакого внимания и происходили «единственно от ветрености и легкомыслия здешнего народа, который от праздности большею частью занимается тем, дабы собирать повсюду странные происшествия и рассеять вездешные, вместо существенности»³⁸.

Однако наиболее полно мнение о политических настроениях жителей пограничья высказал 22 декабря 1811 г. генерал И.Н. Эссен в секретном донесении военному министру. «Что касается до образа мыслей здешних обывателей, то очевидно, что благоразумные, *богатые помещики*, видя милости к ним нашего Государя Императора и умея их ценить в полной мере, не желают никакой перемены, *бедные* же напротив ожидают войны, надеясь при каковой либо перемене поправить свое состояние; между молодыми людьми приметным образом обнаруживается ненависть к русским, но сие я не могу приписать иному как их молодости, к обузданию ж того всегда можно найти достаточные меры. Сколько мне известен образ мыслей жителей герцогства Варшавского, то они во всем почти сходны со здешними обывателями. Зажиточные жители, зная от земляков своих благотворное российское правление и терпя иго наполеоновых уставов, охотно бы желали иметь в Особе нашего Государя Императора верховного Правителя; бедного же состояния люди, основывая будущее свое благо на войне, должны желать оной»³⁹.

Меньшее беспокойство у Эссена вызывало поведение белорусских крестьян. «На счет здешних *сельских обывателей* нельзя сказать, - отмечал Эссен в донесении от 10 марта 1812 г., - чтобы обнаружили недобротство к нынешнему правительству, кроме некоторых молодых людей, не заслуживающих много внимания; напротив того оказывают пособия при движении войск без ропоту, не принося жалоб воинскому начальству, тогда, когда без сумнения довольно отягощений. Хотя вообще *все желают восстановления Польши и быть народом*, но сохраняют похвальную скромность»⁴⁰.

Свои сведения И.Н. Эссен почерпнул из разных источников, как местных, так и заграничных. В дальнейшем ему поручалось использовать для сбора разведсведений и наблюдения за умонастроениями приграничных жителей брестского коменданта полковника В.А. Анохина и «заступающего место» белостокского коменданта подполковника Невежина⁴¹.

Еще более объективно ситуацию в «польских губерниях» оценивал командир 2-го пехотного корпуса генерал К.Ф. Багговут. «Богатые помещики и другого звания люди, - сообщал он военному

министру 9 февраля 1812 г., - достигшие почтенных лет кажутся к нам преданными, но напротив молодые по своему легкомыслию желают и надеются на перемены. Пока мы будем вести войну за границей, то от поляков нашего края нельзя ожидать вредных следствий; если же война будет в наших пределах, в это время, можно полагать, неприятель от них получит не малые превращения войску, хотя не из преданности к французам, но из страха, но мне кажется, что они более боятся их, нежели им душевно преданы, да при том и будем как ныне окружены шпионами к чему они, без сомнения, будут много способствовать»⁴².

Одновременно с надзором за населением западных губерний военный министр 21 января 1812 г. запросил у командующих корпусами секретные сведения «*о действии гражданской полиции в местах расположения вверенных войск*».

В своем донесении от 2 февраля 1812 г. командир обсервационного корпуса И.Н. Эссен обращал внимание на недостатки в деятельности местной полиции. «Гражданская полиция могла бы быть исправнее, - писал генерал, - ежели бы при ней не находились по большей части из поляков. Гражданская пограничная таможенная стража также не может быть надежна, потому что большая часть чиновников из здешнего края, которые имеют связь со всеми помещиками, и казаки, ежели бы и были исправны, что они и суть, всегда подвержены, по крайней мере, обману»⁴³.

О недоверии к местной земской полиции неоднократно сообщал и командующий 2-й Западной армией П.И. Багратион. Особенно это проявлялось в действиях по задержанию лиц, проехавших через границу без паспортов. По мнению князя, все они были обречены на неудачу. «Обширность земли, - писал Багратион, - удобность проехать по многочисленности дорог и способов, тесные связи, родство и одномыслие обывателей тревожат меня крайне, чтобы не избегали они надзирания воинской стороны». Главнокомандующий считал, что существенную помощь в этом деле могла оказать гражданская полиция, которая «неусыпной бдительностью своею могла бы поставить совершенную преграду возможности скрытному пребыванию либо проезду кому либо из княжества Варшавского и другим иноземцам в пределы наши». Однако на полицию, составленную из местных жителей, нельзя положиться: «...в губерниях сих от гражданской полиции пока пребудет она в составе своем столь тесно с обывателями края соединенного, никакого действия ожидать не можно»⁴⁴.

Итак, общий контекст донесений командиров корпусов и командующего 2-й Западной (Подольской) армией сводился к тому, что все население приграничных губерний находится в ожидании войны и что большинство благородного сословия мечтает о восстановлении Польского королевства. При этом наиболее объективными были сведения о настроениях российских подданных в рапортах И.Н. Эссена и К.Ф. Баг-говута. В то же время предложения главнокомандующего 2-й Западной армией исключительно репрессивными мерами исправить положение в «польских губерниях» не нашло поддержки у императора.

Реакция правительства на ситуацию в «польских губерниях». Таким образом, информация о настроениях населения приграничных губерний, полученная по секретным каналам, позволила российскому правительству объективно оценить положение дел в этом регионе и спрогнозировать поведение приграничного населения во время военного столкновения с Францией.

Зная, что население западных губерний в подавляющем большинстве поддержит наполеоновскую Францию, российское правительство решило: с одной стороны, ослабить профранцузское влияние в «польских провинциях», а с другой - в условиях неблагоприятной расстановки военных сил *подготовить их сдачу противнику*.

С этой целью в 1811 г. было решено инициировать создание автономного Великого княжества Литовского (план М.К. Огинского). И хотя этот проект изначально был обречен на неудачу, заигрывание с местной знатью и шляхтой позволило российским властям максимально использовать ресурсы «белорусских» и «литовских» губерний. С началом же военных действий на этих землях планировалось применить тактику выжженной земли, чтобы оставить их противнику полностью опустошенными⁴⁵.

Однако реализовать этот комплекс мер можно было только в условиях, когда полнота власти принадлежит военным. Поэтому 16 апреля 1812 г. на основании «Учреждения» и указа Сената от 13 марта 1812 г. в западных губерниях было введено военное положение⁴⁶. Отныне все гражданские власти губерний, приписанные к военным округам 1-й и 2-й Западных армий, находились в полном подчинении главнокомандующих и должны были оказывать им всемерную помощь. При этом чиновники и полицейские несли персональную ответственность уже по законам военного времени. За неповиновение они могли быть отданы под военный суд.

В дальнейшем полицейские функции были переданы армейскому контрразведывательному органу - Высшей воинской полиции⁴⁷. Ее задачи заключались в надзоре «за полицией тех мест внутри государства, где армия расположена», за тем, «что происходит в самой армии» и в «собирании

сведений о неприятельской армии и занимаемой ею земле»⁴⁸. Для выполнения поставленных задач директор Высшей воинской полиции получил право требовать от местной полиции сведения о бродягах, подозрительных людях, количестве населения и т.п.

Учитывая недоверие, которое испытывали российские власти к городской и земской полиции западных губерний, 13 мая 1812 г. они были окончательно поставлены под контроль Высшей воинской полиции⁴⁹. Таким образом, в деятельности этого органа военной контрразведки произошло существенное усиление полицейских функций.

В мае - начале июня 1812 г.⁵⁰ Высшая воинская полиция организовала высылку во внутренние регионы империи (депортацию) подозрительных и «сумнительных» помещиков⁵¹, а также иностранных подданных, заподозренных в шпионаже⁵². Подготовка к этой операции началась еще весной 1812 г.

21 марта 1812 г. Александр I через министра полиции потребовал от гражданских начальников западных губерний не только собрать сведения об «образе мыслей помещиков и других обывателей пограничных губерний», но и установить за ними строгий надзор, а также составить «список тем лицам, которые ненадежны». В первую группу заносились лица «сомнительные», а во вторую - «совершенно подозрительные»⁵³.

И хотя гражданские губернаторы отмечали, что лиц, замеченных «в явной злоумышленности противу России» они назвать не могут, но подозрительных - много. «Без сомнения полагать можно, что в числе дворян здешних весьма не многие усердно преданы России, - сообщал минский гражданский губернатор, - другие колеблются, а большею частию есть не приверженных России»⁵⁴. Ему вторил виленский гражданский губернатор А.С. Лавинский: «В рассуждении лиц первого рода я полагаю излишним изъяснять имена их, ибо к сожалению должно сказать, что всех почти надобно было бы внести в список сомнительных, исключая однако же богатейшее дворянство»⁵⁵. Гродненский гражданский губернатор, сенатор В.С. Ланской также подтвердил свои более ранние донесения⁵⁶.

В составленных «реестрах» значились десятки подозрительных и «сумнительных» лиц⁵⁷. Однако операция по выселению, несмотря на большие издержки, не принесла должного эффекта. Во-первых, не все депортированные достигли места назначения: некоторые сбежали из-под стражи или были освобождены наступающими наполеоновскими войсками. И, во-вторых, физически было невозможно вывезти всех потенциальных пособников вероятного противника, поскольку в это число попадала практически вся шляхта западных губерний. В этом даже признавался главнокомандующий 2-й Западной армией князь П.И. Багратион, принадлежавший к числу наиболее консервативно настроенных военных в отношении населения «польских губерний».

Не удалось российской контрразведке перед началом войны 1812 года окончательно нейтрализовать и агентуру наполеоновской разведки в «белорусских» и «литовских» губерниях. Несмотря на ряд успешных операций, проведенных Высшей воинской полицией, значительному количеству наполеоновских эмиссаров удавалось беспрепятственно действовать в России. Это объясняется тем, что большинство французских разведчиков были уроженцами «польских» губерний и свободно владели польским или русским языками. Причем многие из них прежде служили в российской армии и имели настоящие документы об отставке, что практически сводило к нулю вероятность их разоблачения.

К тому же во многом противнику помогало население приграничных губерний. Наибольшее число завербованных и добровольных агентов было в двух пограничных губерниях - Виленской и Гродненской, а также в Белостокской области. Многие агенты противника долгое время «с усердием» трудились на различных административных должностях; об их противоправной деятельности стало известно только перед самой войной⁵⁸. Довольно часто лазутчики противника пробирались в восточные белорусские губернии. Причем и там они находили «сочувствующих» из числа местных уроженцев (штабс-капитан Рогачевской, инвалидной команды Бутовский и «тамошний городничий Бурнос») ⁵⁹.

Вообще, большая часть ополяченной шляхты «белорусских» и «литовских» губерний была оппозиционно настроена к российской администрации, а поэтому активно сотрудничала с польско-французской разведкой. В Княжестве Варшавском они видели ядро будущего Польского королевства, восстановление которого считали делом скорого будущего и поэтому в предстоящем военном противостоянии их симпатии были на французской стороне⁶⁰. Знал об этом и российский император.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ): Собр. 1. СПб., 1830. Т. XXIX. № 22425.

² 1807 год: Письма с дороги от князя А.Б. Куракина к государыне императрице Марии Федоровне // Рус. архив. 1868. № 2. Стб. 189.

³ *Таляронак С.* Грамадска-палітычны рух на Беларусі напярэдадні вайны 1812 г. // Беларускі гістарычны часопіс. 1994. № 3. С. 95. В октябре 1806 г. министр внутренних дел просил гражданских губернаторов принять деятельные меры «к открытию французских эмиссаров и о сохранении доброго настроения мыслей», чтобы «в польских провинциях наших покласть предел слухам и наветам людей зломыслящих...». См.: Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф. 1430. Оп. 1. Д. 50113. Л. 507-510об. Кроме того, сенатским указом от 18/19 марта 1807 г. правительство стремилось запретить распространение «неприличных и развратных толков о военных и политических делах». (НИАБ. Ф. 320. Оп. 2. Д. 4. Л. 111).

⁴ В частности, весной 1807 г. был разоблачен унтер-цолнер Брестской таможенной заставы титулярный советник Осип Подчашинский. См.: Национальный исторический архив Беларуси в Гродно (НИАБ в Гродно). Ф. 1. Оп. 1. Д. 107. Л. 12-12об., 14, 15-17об., 60-61.

⁵ *Таляронак С.* Указ. соч. С. 95.

⁶ Об оказании помощи в своей миссии сенатор Алексеев просил В.С. Ланского в секретном письме от 19 февраля 1807 г. (НИАБ в Гродно. Ф. 1. Оп. 1. Д. 107. Л. 41-41об.).

⁷ Там же. Л. 42об.

⁸ Там же. Л. 66-66об.

⁹ *Таляронак С.* Указ. соч. С. 98.

¹⁰ *Севастьянов Ф.* Развитие «высшей полиции» при Александре I // Жандармы России / Сост. В.С. Измозик. СПб.; М., 2002. С. 227-228.

¹¹ *Воробьева Ю.С.* Комитет охранения общественной безопасности // Государственность России, Конец XV в. - февраль 1917 г.: Словарь-справочник. М., 2001. Кн. 3. С. 90.

¹² Журналы Комитета министров. СПб., 1888. Т. I. С. 326-327.

¹³ Там же. С. 308, 337.

¹⁴ Либеральную позицию занимали министр народного просвещения граф В. Завадовский, куратор Виленского учебного округа А.А. Чарторыйский и р. За принятие жестких мер выступали министр внутренних дел князь А.Б. Куракин, его товарищ О.П. Козодавлев, вольнский гражданский губернатор И. Комбурлей. Эту партию поддерживал и литовский военный губернатор с июля 1809 г.) М.И. Голенищев-Кутузов. См.: Там же. С. 338.

¹⁵ См.: Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 379. Оп. 3. Д. 104. Л. 100-108; Государственный исторический архив Литвы (ГИАЛ). Ф. 378. ОО. 1809 г. Д. 183. Л. 21-31.

¹⁶ Журналы Комитета министров. Т. I. С. 340-341, 354.

¹⁷ См.: Там же. С. 344, 387, 391; Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 1165. Оп. 2. Д. 1. Л. 20.

¹⁸ М.И. Кутузов: Сб. документов / Под ред. Л.Г. Бескровного. М., 1952. Т. 3. С. 254-255.

¹⁹ Журналы Комитета министров. СПб., 1891. Т. II. С. 43.

²⁰ Там же. Т. I. С. 418, 367.

²¹ ГА РФ. Ф. 1165. Оп. 2. Д. 240. Л. 7, 8-9, 12, 15-15об., 21.

²² Цит. по: Федосова Е.И. Польский вопрос во внешней политике Первой империи во Франции. М., 1980. С. 134. См.: ГА РФ. Ф. 1165. Оп. 3. Д. 37. Л. 21.

²³ Журналы Комитета министров. Т. I. С. 291.

²⁴ ГА РФ. Ф. 1165. Оп. 2. Д. 1. Л. 1—3об., 6.

²⁵ Отечественная война 1812 года: Материалы Военно-ученого архива (ВУА). СПб., 1900. Отд. I. Т. 1, ч. 2. С. 262.

²⁶ Там же. С. 82, 102, 261, 262, 317-318; СПб., 1900. Т. 1, ч. 1. С. 109.

²⁷ Там же. Т. 1, ч. 1. С. 116; Ч. 2. С. 306.

²⁸ Для усиления присмотра за границей Багратион считал необходимым «иметь по всем участкам кордонной стражи и таможенным заставам верных и надежных лазутчиков, которые бы обо всех проезжающих, узнавая имена, извещали». «Сим способом, - резюмировал князь, - полагаю прекратить можно тайные их проезды и привести таможенные наши заставы в должную осторожность». Однако для этого необходимы «значущие издержки» и высочайшее разрешение на проведение подобных мер. См.: Там же. СПб., 1908. Т. 9. С. 130.

²⁹ НИАБ. Ф. 2001. Оп. 1. Д. 21. Л. 225—225 об., 332—332об., 333об.; Журналы Комитета министров. Т. II. С. 376.

³⁰ См.: Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. СПб., 1907. Отд. I. Т. VII. С. 338-339; См.: Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. ВУА. Д. 439. Л. 39.

³¹ Журналы Комитета министров. Т. II. С. 376-377; Из секретной переписки Барклая де Толли в 1812 году: Сообщение А.З. Мышлаевского // Рус. старина. 1899. № 9. С. 649-650.

³² Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. СПб., 1905. Отд. I. Т. IV. С. 223-224; Т. 7. С. 318-319; ГА РФ. Ф. 1165. Оп. 2. Д. 1. Л. 4-4 об. 28 марта 1811 г. В.С. Ланской сообщил министру полиции свои наблюдения относительно расположения местных обывателей: «... они вообще

пребывают теперь, в большем нежели когда-нибудь спокойствии; известная нищета заграничная, а особливо Княжества Варшавского, чувствительно охладила энтузиазм их к переменам. Совсем тем не возможно однакож на приверженность их полагаться; случись только перемена, в связях политических, с сильнейшим из наших союзников, тот час при способах прельщения, готово все подняться, когда первый шаг наших противудействий, не устрасит их своею быстротою, и простираясь далее не лишит остатка без сомнения еще питаемой надежды о восстановлении Польши. В первом случае они готовы забыть все милости коими непрестанно от Государя Императора пользуются; в последнем, ежели не будут полезны, то другого вреда ожидать не можно, кроме скрытых противной стороне пособий, каковые без сомнения не переставали быть в сообщении сведений». И далее гродненский губернатор продолжал: «Еще считаю долгом повторить что непостоянность здешнего характера не может ни мало обеспечивать нас в надежде на сию нацию, особливо при малейших неприятных обстоятельствах несмотря на приметно возрастающую признательность к благоволениям Его Императорского Величества; сия известность, нимало однакож не ослабит меня, в моих стараниях, внушать приличными способа ми, что единственное для них благоденствие быть под державою России, коей подданные одни только могут считаться благоденствующими несмотря на критическое положение обстоятельств целой Европы». (ГА РФ. Ф. 1165. Оп. 2.

Д. 1. Л. 8-9).

³³ Там же. Л. 4, 8, 12. См.: Журналы Комитета министров. Т. II. С. 449—151; НИАБ. Ф. 2001. Оп. 1. Д. 21. Л. 348.

³⁴ Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. Отд. I. Т. I, ч. 1. С. 32-33.

³⁵ Там же. Ч. 2. С. 82, 100-101.

³⁶ Там же. С. 133-134. Ту же информацию К. Шиц подтвердил и в августе 1810 г. См.: Там же. С. 156.

³⁷ Там же. Т. I, ч. 1. С. 98; Ч. 2. С. 264.

³⁸ Там же. Т. I, ч. 2. С. 306-307.

³⁹ Там же. Т. VII. С. 95. 21 января 1812 г. военный министр снова запросил у командующих корпусами секретные сведения относительно «духа и поведения жителей». 2 февраля И.Н. Эссен представил еще один пространный рапорт. В нем он повторил свои мысли, высказанные в донесении от 22 декабря 1811 г. «...Помещики, имеющие состояния, - писал он, - не желают войны, менее же достаточные и наипаче называемые мелкой шляхтой, совсем противного расположения, а вообще желают восстановления польского края и народа. Для того наверно полагать можно, что все оказанные здешнему краю Его Императорским Величеством милости забыты будут, коль скоро иным государем обещано им будет восстановление Польши; большая часть всем жертвовать готова, только б лишь до того достигнуть. Они ожидают благоденствие сие от Императора Всероссийского, но опасаются притом, что политика Наполеона уметь будет воздержат Государя Императора от обнаружения благого своего намерения». (Там же. Т. 9. С. 4.)

⁴⁰ Там же. СПб., 1908. Т. X. С. 35.

⁴¹ Однако И.Н. Эссен лично не знал этих офицеров и не был в них уверен. «А как ни один из них не известен мне лично, - писал генерал военному министру, - то и не знаю, могут ли быть они способны к таковой препорученности и какие имеют на то способы». (Там же. Т. VII. С. 94-95).

⁴² Там же. Т. IX. С. 128.

⁴³ Там же. С. 4.

⁴⁴ Там же. С. 130. Впоследствии Багратион отмечал, что «жители сего края, имея особенные связи и сношения» со своими соотчичами в княжестве Варшавском, «весьма нам неблагоприятствуют и могут послужить вреднейшим для нас орудием». (Там же. Т. 10. С. 132).

⁴⁵ См.: Лукашевич А.М. Проекты восстановления Речи Посполитой и Великого княжества Литовского и их место в военно-стратегическом планировании Российской империи (1810-1812 гг.) // Внешняя политика Беларуси в исторической ретроспективе: Материалы междунар. научн. конф. Минск, 2002. С. 46-59.

⁴⁶ ПСЗРИ: Собр. I. Т. XXXII. № 24975. С. 44-45; № 25035. С. 228-229;

Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1909. Т. 128. С. 398-399, 473; Журналы Комитета министров. Т. II. С. 406; Виленский временник. Кн. 5: Акты и документы архива виленского, ковенского и гродненского генерал-губернаторского управления, относящиеся к истории 1812-1813 гг. Вильна, 1912. Ч. 1. С. 47.

⁴⁷ Кроме того, к задачам надзора за политическими настроениями в западных губерниях была подключена и внутренняя стража — детище Военного министерства со структурой и отличительными признаками воинских формирований. Задачи в этой области были определены в январе 1812 г. в секретном повелении императора графу Е.Ф. Комаровскому. Окружные командиры обязывались сообщать инспектору внутренней стражи обо всем случающемся в губерниях «касательно духа и поведения жителей, действия гражданской полиции и вообще о всех происшествиях, достойных уважения». Выполнение этого приказа должно было осуществляться тайно. См.: Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. СПб., 1910. Отд. I. Т. XII. С. 67-68.

⁴⁸ Там же. СПб., 1909. Т. XI. С. 414-115.

⁴⁹ «Его Величеству, - говорилось в предписании Барклая де Толли литовскому военному губернатору А.М. Римскому-Корсакову от 13 мая 1812 г., благоугодно было повелеть поставить в

число обязанностей его (директора Высшей воинской полиции. - *А.Л.*) в особенности надзор в губерниях, в коих расположены армии за выходцами, бродягами, приезжающими, иностранцами, вообще сомнительными людьми; за переездом чрез границу, выдачею паспортов за границу, также наблюдение за различными обращающимися в публике листках». См.: Сборник ИРИО. Т. 128. С. 399; Виленский временник. Вильна, 1913. Кн. 5, ч. 2. Разд. I. С. 24.

⁵⁰26 мая военный министр приказал Я.И. де Санглену и А.М. Римскому-Корсакову «обратить без малейшей огласки бдительное внимание на то, не имеются ли у кого какие-либо неприличные объявления, письма из-за границы и тому подобные бумаги, и буде где таковые окажутся, доставя их сюда, принять строгие меры, чтобы оне не распространялись». (Виленский временник. Кн. 5, ч. 2. Разд. I. С. 23).

⁵¹*Попов А.И.* Великая армия в России: Погоня за миражом. Самара, 2002. С. 44; ГА РФ. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 6. Л. 34-39 об.

⁵²В период с 30 мая по 12 июня 1812 г. были высланы «неблагонадежные»: шляхтич адвокат из Ковно Винцентий Сволкин, иностранец Карл Николаи, виленский мещанин адвокат Иосиф Зданкевич; а также «вышедшие из-за границы» Иосиф Инарович, Доминик Авдеев и Изот Никитин (все крестьяне), Мацей Бобровский с женой, Павел Яблонский, Войцех Избицкий, Тадеуш Рачиборский и 41 иностранец. См.: Виленский временник. Кн. 5, ч. 2. Разд. I. С. 33-34.

⁵³*Попов А.И.* Великая армия в России. С. 43.

⁵⁴Цит. по: *Попов А.И.* Великая армия в России. С. 43. См.: ГА РФ. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 6. Л. 8-10.

⁵⁵Цит. по: *Попов А.И.* Великая армия в России. С. 43. См.: ГА РФ. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 6. Л. 11-12 об.

⁵⁶*Попов А.И.* Великая армия в России. С. 43.

⁵⁷Там же. С. 43, 44.

⁵⁸Так, в мае 1812 г. от белостокского коменданта сбежал писарь, «который при нем находился пять лет и был употребляем по секретной переписке». В июне 1812 г. была разоблачена группа агентов противника, действовавшая на Брест-Литовской таможенной заставе (письмоводитель Сакович, объезчики: Езерский и Буржинский). См.: Отечественная война 1812 года: Материалы УА. СПб., 1907. Отд. I. Т. VIII. С. 90-91; СПб., 1910. Т. XIII. С. 129-130.

⁵⁹НИАБ. Ф. 2001. Оп. 1. Д. 21. Л. 165-165 об. Бурнос фигурирует в архивных делах как чиновник, причастный к массовой смерти больных в Рогачевском госпитале.

⁶⁰Всего, по подсчетам российского историка В.М. Безотосного, в документах за 1810-1812 гг. упоминается 98 разыскиваемых лиц, задействованных французскими службами. Из них было задержано только 39 агентов противника. См.: *Безотосный В.М.* Разведка Наполеона в России перед 1812 г. // Вопр. истории. 1982. № 10. С. 91.